

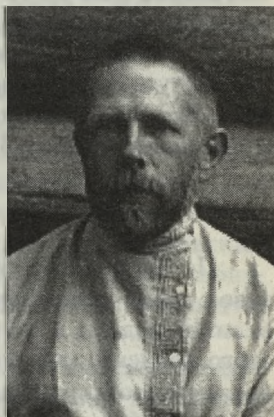
"Я СЫН СВОЕЙ СТРАНЫ..."

1

Он был реабилитирован в 1960 г., но имя его еще долгие годы оставалось под негласным запретом. Однажды я спросил Виктора Леонидовича Попова, автора книги "Мы - коминтерновцы", изданной в Барнауле в 1976 г.:

- Почему, рассказывая об учителях школы имени III-го Коминтерна, вы ни словом не упомянули Казанского?

- Я не только упомянул, но довольно подробно рассказал о нем в своей рукописи. Порфирий Алексеевич был одним из самых любимых наших учителей. Между собой мы называли его "Медвежонком". Он был низенького роста, но плотный, коренастый, с бородкой клинышком и необыкновенно звучным густым голосом, не басом, а скорее баритоном. Бывало, расшалимся на уроке, он как рыкнет: "Ти-ше!" Аж в ушах зазвенит. Ну чем не медвежонок?.. Голос сердитый, а глаза добрые, умные. Они у него были голубые-голубые... Дважды на экскурсию нас водил в Кузбасс. Пешком! Сколько интересного порассказал в дороге! И на уроках тоже. С ним интересно было: о чем ни спроси - все знает. И по характеру прост, благожелателен...

П.А. Казанский

Обо всем этом я написал, но рецензент "порекомендовал" убрать всякое упоминание о Казанском на том основании, что он бывший меньшевик. Я был поставлен перед выбором: или выпол-

нить эту "рекомендацию", или книжка не будет издана. Пришлось смириться...

Еще раньше, в 1969 г., другой человек, рецензируя рукопись "Воспоминаний" А.М.Торопова, писал:

"Непонятно, зачем автор ориентирует читателя на поиски литературных "творений" П.А.Казанского? Он до революции и после нее, как и В.И.Шемелев, был активным членом Барнаульского комитета партии меньшевиков. Тот и другой в 1918 г. помогли контрреволюции свергнуть советскую власть в Барнауле".

Не стану называть фамилий рецензентов.

Партийные и "компетентные" органы не прочь были вообще уничтожить все "творения" Казанского, но для этого понадобилось бы, кроме 2 его поэтических сборников, сжечь подшивки многих сибирских газет, журналов и альманахов.

Сберечь память о Казанском помогли его жена Платонида Яковлевна и дочь Зоя Порфирьевна. С риском для жизни сохранили они часть его рукописей, фотографий и пр., не изъятых при обыске. Ныне они хранятся в красном госархиве (в чем несомненная заслуга бывшего заведующего архивным отделом крайисполкома В.С.Петренко) и частично - в литературно-краеведческом музее школы N 27, у Людмилы Михайловны Остертаг.

2

Порфирию Алексеичу выпала нелегкая судьба жить в грозное время революций, войн, неслыханных репрессий, время великих надежд и великих разочарований. Он стал заложником этого времени, оно прошло по нему катком. Человек, жизнь посвятивший служению народу, Отечеству и, в первую очередь, родной Сибири, погиб с позорным клеймом "врага народа", не успев сделать многое из того, что как поэт, журналист, педагог, краевед хотел и мог бы сделать...

Он родился 20 февраля (ст.ст) 1885 г. в селе Керевском Богородской волости Томского уезда, в семье чиновника тюремного ведомства (по словам дочери начальника пересыльной тюремной богадельни), дослужившегося до звания потомственного почетного гражданина (оно даровалось военным и гражданским чиновникам, не выслужившим ни потомственного, ни личного дворянства, а также купцам и недворянам за заслуги и выслугу).

Порфирий был единственным ребенком в семье. Рос хилым, болезненным, оттого, говорят, и ростом не вышел. Позже тренировками, закаливанием укрепил свой организм. В 11 лет остался без отца. По окончании гимназии поступил в Томский технологический институт. Когда и под влиянием каких обстоятельств пробудился в нем бунтарский дух, неизвестно, только уже в конце 1903 г. за участие в студенческой демонстрации и разбрасывание листовок в театре он оказался на 3 месяца под стражей; возможно, за то же самое исключен из института, хотя дочь пишет, что исключили его "за невзнос платы за учебу".

Это не остудило пыл юного борца за народное счастье. По сведениям царской охранки, он в 1906-1907 гг. состоял в РСДРП, выступал в рабочих кружках. С 1906 г. в томских сатирических журналах "Бич", "Ерш", "Красный смех", "Рабочий-юморист" начали появляться его стихотворные памфлеты, подписанные необычным псевдонимом "Премудрая крыса Онуфрий". Сатирические свои стрелы он отважно направлял в высших чинов империи: П.Столыпина, С.Витте, Д.Трепова.

Я лиру настроил в тяжелое время,

В кровавые годы я песни запел,

И песнями сею свободы я семя,

И сильных на битву я вызвать посмел.

Нелишне заметить, что под влиянием общественного подъема, вызванного первой русской революцией, вместе с Казанским в литературу пришла целая когорта высокоталантливых сибирских писателей: Г.Гребенщиков, Ф.Березовский, Г.Вяткин, А.Новоселов, И.Тачалов, А.Жиляков, С.Исаков.

Обычные стихи Казанский подписывал другим псевдонимом: "К.Порфирьев". При его жизни они публиковались во "Втором литературном сборнике сибиряков" (1908), альманахе "Алтай" (1914), сборнике "Сноп" (1922); немалое число их рассеяно по газетам и до сих пор не собрано. Он издал также 2 поэтических сборника (о них - потом, мы и так забежали вперед).

3

В 1911 г. Казанский закончил юридический факультет Томского университета, но на коронной (государственной) службе не удержался из-за "политической неблагонадежности". Вряд ли он

об этом жалел, ибо к тому времени был уже довольно известным поэтом и предназначение свое, надо полагать, видел не в чиновничьей карьере.

18 июля 1912 г., по приглашению редактора газеты "Жизнь Алтая" Георгия Гребенщикова, он переехал в Барнаул и вошел в состав редколлегии. Гребенщиков, по его словам, видел в нем "будущего руководителя газеты".

В газете много внимания уделялось литературе. Здесь публиковались обзоры российских литературно-художественных журналов, произведения В.Короленко, М.Горького, Л.Андреева, сибиряков Г.Гребенщикова, В.Шишкова, П.Драверта, В.Бахметьева, И.Тачалова, С.Исакова, А.Жилякова, А.Пиотровского, А.Бурмакина и др. Из номера в номер появлялись стихи Казанского, его театральные рецензии, но особенно часто - полюбившиеся читателям хлесткие фельетоны "Премудрой крысы Онуфрия". Жаль, что они до сих пор никем не собраны. Это был ценный поэтический документ эпохи.

"Жизнь Алтая" - молодец молодцом, в особенности литературный отдел", - писал В.Шишков в одном из писем Казанскому.

Интересен и такой факт его творческой биографии. В августе 1912 г., в дни празднования 100-летия Бородинской битвы, в Барнауле неоднократно исполнялась объединенным хором сочиненная им кантата "Памяти двенадцатого года". Музыка к ней написал учитель пения А.А.Филимонов и независимо от него - местный композитор С.В.Шаронов (его вариант хранится в музее 27-й школы). Слова кантаты тоже сохранились.

Казанский пробовал свои силы и в драматургии. Его пьеса "Враг" дважды, в марте и апреле 1915 г. прошла на сцене Народного дома. В газете "Жизнь Алтая" отмечалось, что "на публику пьеса произвела благоприятное впечатление, автор по окончании неоднократно вызывался и награждался аплодисментами".

Правда, Гребенщиков был другого мнения. "Не понравилась мне Ваша пьеса, - писал он Казанскому. - Банально, а главное, благопокорно. По вашей пьесе все так гладко и благополучно, что даже военная цензура не тронула ни одного места".

Кто из них прав, Бог весть: текст пьесы не сохранился.

В музее 27-й школы хранится рукопись еще одной его пьесы - "За Каменный пояс", о походе Ермака в Сибирь, написанной, по словам дочери, в конце 20-х г. Пьеса, или "драматическая хроника

в 9 картинах", написана добротным белым стихом. Предлагал ли ее автор кому-нибудь, неизвестно. Литературовед С.П.Рожнова дала ей такую оценку:

"Историческая и художественная состоятельность драматической хроники П.А.Казанского, гуманистический ее пафос, точность социальных и психологических решений, выразительность языка без излишней стилизации, умение создать характер даже второстепенного персонажа дают основание поставить пьесу в ряд интересных произведений о Ермаковом походе".*

Но мы опять забежали вперед.

Казанский активно участвовал в общественной деятельности. Так, в 1915 г. он возглавил Барнаульское отделение Общества учащихся и учивших (учащими тогда называли учителей), был избран в Совет Общества попечения о начальном образовании в Барнауле; правда через 3 месяца вышел оттуда в знак протеста против постановок на сцене Народного дома опереток полупристойного содержания; 3 года вел беседы по истории и географии в Зайчанской воскресной школе для взрослых; в июне 1916 г., выйдя из состава редакции, поступил инструктором-культурником в Алтайский центральный кредитный союз, вскоре стал редактором кооперативного журнала "Алтайский крестьянин".

4

Февральскую революцию Казанский встретил с восторгом. Он сравнивал ее с очистительной грозой. В стихотворении "Вешние дни" ("Алтайский крестьянин", 1917. N12) писал:

*В эти вешние дни
Ярок солнца восход,
В эти вешние дни
Скинул цепи народ...*

* С.П. Рожнова. Принципы художественного воплощения темы Ермака в советской литературе // Литература Сибири: история и современность. Новосибирск, 1984. С.95 - 119.

Он с головой окунулся в политику: снова вступил в РСДРП (тогда она в Барнауле еще не делилась на большевиков и меньшевиков); от имени этой партии выступал на ежедневных митингах и собраниях; в апреле был избран членом городского народного собрания*, в августе - членом городской думы; с неделю даже председательствовал в ней, затем отказался: руководящие должности были не по его мягкому характеру. В июле 1917 г. был делегатом Сибирской областной конференции и I-го Сибирского областного съезда, избравшего Сибирскую областную думу.

В то время большевики, а позже советские историки рьяно обвиняли сибирских областников (а к ним относился и Казанский) в сепаратизме, то есть в стремлении отделиться от России, словом в контрреволюционности. На самом деле они выступали только против того, чтобы метрополия не смотрела на Сибирь как на бесправную падчерицу, кладовая природных богатств, место каторги и ссылки. Они добивались лишь автономии, местного самоуправления; об отделении от России в их документах даже намек не было. Кстати, с похожими требованиями выступают ныне руководители так называемого "Сибирского соглашения".

Октябрьский переворот Казанский резко осудил как узурпацию власти большевиками. Несколько позже по его инициативе городская дума заявила решительный протест против разгона Учредительного собрания. Предложенная им резолюция, как сообщалось в газетном отчете, была принята единогласно при двух воздержавшихся (большевиках) и "при шумных аплодисментах гласных и посторонней публики".

Казанский не скрывал радости, когда советская власть в Сибири была свергнута, но и диктатуру Колчака не одобрил, считая ее несовместимой с демократией. Не без его участия городская дума 9 декабря 1918 г. закрытым голосованием отвергла предложение фракций домовладельцев и кадетов о посылке приветствия Колчаку в связи с его избранием Верховным правителем.

* Так первоначально переименована была городская дума, но уже в августе, при новых выборах, прежнее название было восстановлено.

В феврале 1918 г. вместе с В.И.Шемелевым вошел в состав редакции газеты "Алтайский луч", органа меньшевиков. В первом же номере они так изложили позицию своей партии:

"Мы должны открыто заявить, что наша страна далека от социализма, что капитализм не изжил себя, и всякое искусственное насаждение социализма принесет с собою величайшее поражение для пролетариата и всей русской революции".

За такую позицию, как известно, меньшевики на долгие годы были заклеены соглашателями и лакеями буржуазии. Но, говорят, правдивая история революции и гражданской войны еще не написана...

В июле 1918 г., вскоре после временного падения советской власти, Казанский был избран членом губернской земской управы, где возглавил отдел народного образования, а с декабря стал заместителем председателя управы.

Находил время и для общественных дел: был членом совета музея, членом правления Алтайского подотдела Русского географического общества, бессменным членом правления культпросветотдела Алтайских кооперативов, позднее преобразованного в самостоятельный культпросветсоюз Алтайского края. Особой заслугой отдела (союза) является издание библиотеки "Сибирский рассвет" и первого на Алтае литературно-художественного журнала с тем же названием. Казанский входил в состав его редколлегии и был одним из авторов.

Несмотря на огромную занятость Казанского, 1917-1919 гг. был и для него временем наивысшего взлета его творческой деятельности. В 1917 г. он издал поэтический сборник "Песни борьбы и надежды", в 1918 - "Родному краю" (в серии "Библиотека "Сибирский рассвет"). В первом собраны стихи гражданского звучания, навеянные революцией 1905-1907 гг., во втором поэт предстает перед читателем другой гранью своего таланта - лирической. Он как бы исповедуется в любви к родной Сибири, ее просторам, суровой красоте ее природы, вольным и невольным ее обитателям.

*Я сын своей страны. Я сын родных метелей,
Чернеющей тайгой окутанных равнин...*

Известный сибирский литературовед В.П.Трушкин (Иркутск) отзываясь о стихах Казанского довольно сдержанно:

"П.Казанский не был литератором-профессионалом... Поэтому его стихи, составившие сборник "Родному краю", не во всем безупречны. Подчас в них живое ощущение Сибири подменяется обобщенно-условными образами, когда утрачивается непосредственность восприятия и чувства, когда вместо живых, поэтически схваченных деталей врываются стертые образы и штампованные избитые выражения... Все же в лучших своих вещах поэт сумел передать думы и настроения людей своего поколения*".

Но есть и другие мнения. "Из сибирских поэтов я ставлю на первое место Порфирьева", - писал Г.Гребенщиков.

"Истинному поэту Сибири", - так озаглавил свое стихотворение, посвященное Казанскому, Илья Модзалевский.

К ноябрю 1919 г. почти весь Алтай был уже во власти партизан. Работа губземуправы оказалась парализованной. Казанский вышел из ее состава и поступил учителем географии в женскую гимназию М.Ф.Будкевич.

10 декабря в Барнаул вошли партизаны, а через 3 дня - части 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. В жизни города и каждого его жителя начался новый этап...

5

Казанскому не сразу припомнили его "контрреволюционное" прошлое. Скорее наоборот. Ему доверили преподавать географию в лучших, опекаемых губкомом партии, учебных заведениях Барнаула: совпартшколе, школе имени III-го Коминтерна, рабфаке Томского университета (он был там и завучем). Учебников географии не хватало, он написал и издал в 1922 г. свой, назвав его: "Конспективный курс географии для взрослых учащихся". Но он пользовался завидной популярностью и у школьников. Так же, как сам учитель. Бывший его ученик Марк Иосифович Юдалевич вспоминает:

"Порфирий Алексеевич, по сути дела, не был педагогом. Он был рассказчиком... Уроки его представляли собой небольшие,

* В. Трушин. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967. С.80.

часто сюжетные новеллы на заданную тему. В эти увлекательные новеллы Порфирий Алексеевич ухитрялся втискивать уйму познавательного материала, не укладывающегося не только в рамки программы, но и вообще в рамки географии".

Участвовал он и в работе литературного кружка "Лито", пришедшего на смену "Агулипроку", но без прежней активности: 20 декабря 1921 г. сделал кружковцам сообщение о поэте П. Драверте, 26 февраля 1922 г. - о повести В. Короленко "Без языка". Стал одним из авторов коллективного сборника "Сноп" (1922), гонорар и доход от которого пошли в пользу голодающих Поволжья...

Не будем гадать, полюбил или нет Казанский советскую власть. Скорее признал ее как совершившийся факт. Возможно, далось это ему нелегко, как и другим людям старого закала: Верещагину, Велижанину, Няшину, Марцинковскому. Но, перешагнув через это, они включились в работу с полной отдачей сил, не помышляя ни о каких заговорах и саботаже. Казалось бы, радоваться надо, тем более, что образованных людей, ох, как не хватало. Но "вождь всех народов" выдвинул тезис, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется, а все "бывшие" - потенциальные враги советской власти.

В июне 1923 г. вышло за подписью В.М. Молотова печально известное секретное Постановление ЦК ВКП(б) о мерах борьбы с меньшевиками. В нем предписывалось "использовать все средства для их разоблачения", воспретить чтение ими лекций, приступить к снятию их с руководящих постов и т.д. Губком партии потребовал представить списки бывших меньшевиков с указанием принятых к ним мер. И пошло-поехало! Казанский (буду говорить лишь о нем) был уволен с преподавательской работы и арестован; освобожден лишь после того, как опубликовал в газете "Красный Алтай" покаянное заявление о разрыве с партией, в которой давно не состоял (ее вообще уже не было в Барнауле).

Освободить-то освободили и даже позволили преподавать географию в 22-й школе, но ... Нам теперь даже трудно представить, как жилось и работалось людям, которых в глаза и за глаза называли "бывшими", следили за каждым их шагом, ущемляли в элементарных правах. По воспоминаниям Марка Иосифовича, "случалось, Порфирий Алексеевич являлся в класс мало похожим на себя... Урок вел как отчет, совсем не обращая внимания на то,

слушают его или нет. Со звонком прерывал себя на полуслове и, не попросившись, уходил".

О многом говорит и такой факт: в советские годы он перестал писать стихи. В "Воспоминаниях" Адриана Топорова рассказывается, как поэт Пиотровский однажды спросил Казанского, почему он не посещает литературный кружок. Тот с обычной своей иронической улыбочкой ответил: "Пытался, но безуспешно. Хоша вы живете и не в Дантовом аду, но два лохматых и здоровенных пессимизма на дворе у вашего хозяина показали мне страшнее мифического Цербера. При встрече с ними у меня исчезает любовь к поэзии..."

Риску предположить, что два "пессимизма" - это НКВД и партия...

Совсем писать он не перестал: был одним из авторов "Сибирской советской энциклопедии", публиковал краеведческие статьи в журнале "Алтайская деревня", "Алтайском сборнике" (т. XIII). Но все эти издания вскоре прекратили существование. Был членом правления, а некоторое время даже председателем Алтайского отдела Русского географического общества, но и оно в 1931 г. было распушено. Все меньше оставалось возможностей для творчества, все туже затягивалась удавка запретов и ограничений.

Оставалось писать в стол. Каждый пишущий знает, какая это мука. В бумагах Казанского сохранилась пьеса "За Каменный пояс", рассказы "Уточка", "Портсигар убийцы", "Дуэль" (опубликован лишь в 1989 г. в альманахе "Алтай", №3). А ведь было их, наверно, больше. А сколько замыслов осталось неосуществленными!..

В феврале 1925 г. Казанский принял участие в I-й (и, к сожалению, последней) губернской краеведческой конференции, выступил на ней с докладом "Деятели науки, искусства и общественности Алтайского края". Текст доклада сохранился, и меня, признаться, очень удивили и расстроили допущенные в нем неточности. Так, о Ползунове сказано, что он изобрел свою машину на Кольванском (?) заводе, она проработала 2 месяца на Змеиногорском (?) заводе, после чего потребовала ремонта и от неумелого ремонта (?) совсем разладилась. Совсем не упомянуты отец и сын Фроловы, Ф. Стрижков, П. Шангин и целый ряд других людей, составляющих славу и гордость Алтая. На таком вот уровне находилось тогда алтайское краеведение...

В 1931 г. Казанский был снова арестован органами ОГПУ "в связи с вредительскими действиями меньшевиков в Госплане". Какое отношение к Госплану имел Казанский, этого, наверно, даже чекисты объяснить не смогли бы. Немного подержав, они освободили его "за недостатком улик". Но уже надвигались времена, когда улики не требовались..

6

Голод, охвативший страну в начале 30-х г., не миновал и Барнаула. Иных выручали огород, домашняя живность. У Казанских ничего не было. За 20 лет жизни в Барнауле Порфирий Алексеевич так и не обзавелся собственным домом. Мыкались по чужим квартирам, а в семье было 5 душ: жена, теща, 2 дочери - родная и приемная. Прожить с базара на скудную учительскую зарплату, пусть даже две (Платонида Яковлевна преподавала в начальных классах) было совсем не просто. Выручил бывший ученик Казанского Михаил Ильич Агарнов. В 1932 г., по его приглашению, они переехали в село Тюменцево, где тот работал директором средней школы. Порфирий Алексеевич стал преподавать литературу и географию, жена взяла один из начальных классов. Им выделили жилье с огородом, они развели кур, гусей; вскорее Порфирия Алексеевича за хорошую работу колхоз премировал коровой. Было за что. Он вкладывал в работу всю душу; кроме уроков, вел литературный кружок, помогал художественной самодеятельности. Вот несколько воспоминаний бывших учеников Тюменцевской школы, собранных В.С.Петренко.

В.Вальщиков: "Не могу на бумаге передать его знание литературы, особенно умение читать. Читал он как артист, на разные голоса: то голосом женщины, то ребенка, то басом. Заслушаешься!.."

З.С.Рошупкина: "Он учил нас географии. Это были не уроки - путешествие по разным странам. Как мы ждали их! Вот он входит в класс с журналом и указкой, низенького роста, с ежиком полуседых волос на голове, небольшой бородкой, которую он часто брал в кулак, в серой рубашке, подпоясанной широким ремнем.

- Ну-с, начнем урок. Напоминаю всем, что я люблю ставить крендельки.

Приносил 15-20 открыток, присланных ему эсперантистами разных стран, передавал по партам. Урок вел очень живо, интересно.

Кажется, в 1936 г. нам впервые разрешили устроить новогоднюю елку в школе. Порфирий Алексеевич и Платонида Яковлевна вместе с учениками делали игрушки для нее.

В 100-летие со дня гибели Пушкина поставил с учениками старших классов спектакль "Цыгане" и сцену у фонтана из "Бориса Годунова". Сделал доклад, а ученики в ходе доклада читали стихи Пушкина... Когда его арестовали, все считали, что это ошибка. Шестиклассники шептались, как бы сообщить об этом Сталину..."

Бывший его ученик, потом учитель тюменцевской школы А.Е.Занадворов* вспоминает: "На учительских конференциях Порфирий Алексеевич всегда ратовал за чистоту русского языка и еще за то, что учитель сам должен учиться... После его ареста зав.районо объявил, что Казанский - скрытый враг народа, меньшевик..."

7

В августе 1937 г. он был уволен с работы за то, что якобы аполитично проводит уроки. А 18 декабря арестован и отвезен в барнаульскую тюрьму. Дочь Зоя Порфирьевна вспоминает, что, когда за отцом пришли, у него "большого испуга или неожиданности не было".

Какая уж там неожиданность...

Первый его допрос, судя по протоколу, состоялся лишь 3 февраля 1938 г., то есть через 47 суток после ареста. Но это явная ложь. Известно, что чекисты оформляли допрос протоколом только после того, как обвиняемый "расколется", то есть даст "признавательные" показания. Стало быть, 47 дней и ночей Казанский вел неравную борьбу с палачами, отстаивая свою невиновность. Хвала его мужеству! Оно тем более удивительно, что главным его

* Занадворов Анатолий Евстигнеевич арестован 27 января 1938 г. и тройкой УНКВД по Алтаю приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден из Колымлага в 1948 г. Реабилитирован в 1959 г.

допросчиком был лейтенант Салтымаков, палач из палачей. Перечислю коротко главные "признания" Казанского, вписанные ему в протокол допроса:

- В 1918-1919 гг. оказывал активную поддержку колчаковцам (Если в постановке дела народного образования, то да).

- В 1920 г. был одним из организаторов, а позже руководителем подпольной меньшевистской организации, ведшей подготовку к вооруженному восстанию с целью свержения советской власти (Не было такой организации в Барнауле, ее выдумали чекисты).

- Установил связь с отбывавшими ссылку на Алтае членами ЦК партии меньшевиков (Не устанавливал и не пытался).

- Состоя в обществе эсперантистов, поддерживал связь с белоэмигрантами меньшевистского толка в разных странах; принимал у себя немецкого эсперантиста Бершеля, который завербовал его в агенты германской разведки (И это ложь. Переписку вел, но не со шпионскими целями, и Бершель его не вербовал).

Между прочим, в первые годы советской власти изучение международного языка эсперанто, как средства укрепления интернациональных связей пролетариата, всячески поощрялось. Кружки эсперанто действовали в каждой школе, на многих предприятиях и в учреждениях. Потом эсперантистов стали зачислять в шпионы.

Судила Казанского выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР 2 июля 1938 г. Суд продолжался 10 минут. Как они уложились в этот срок, я объяснить не могу. У меня только на переписку протокола с приговором ушло 9 минут, да на зачитку - 2. Суд приговорил его к расстрелу. Приговор был окончательный и подлежал немедленному исполнению. Но по каким-то причинам страдания его были продлены на 76 суток. Столько времени просидел он в камере смертников, каждую ночь ожидая вызова. Вызов последовал лишь 16 сентября...

Немало лишений выпало на долю семьи. Жену уволили с работы, дочь исключили из пионеров. Они вынуждены были переехать в Троицкий район. 19 лет ничего не знали о судьбе мужа и отца. Это была казнь неизвестностью. Затем ложью: в 1957 г. на их запрос сообщили, что он осужден на 10 лет дальних лагерей без права переписки и там умер 19 мая 1943 г. Лишь в 1960 г. они узнали страшную правду...

Казанский был одним из очень немногих сибирских литераторов, кому посчастливилось получить высшее образование. Свои знания он не устал пополнять всю жизнь. Гребенщиков недаром называл его "профессором", а Топоров - "ходячей энциклопедией". Он так о нем писал: "Порфирий Алексеевич Казанский был образованнейшим человеком, мог экспромтом прочесть великолепную лекцию о Рафаэле и Бетховене, о Чайковском и Шаляпине, о рефлексологии Павлова и расшифровке древнеегипетских иероглифов, о драмах Шекспира и стихах Блока".

Но не столько знания, которыми он щедро делился, привлекали к нему собратьев по перу, сколько, если можно так выразиться, талант человеческого общения - доброта, скромность, способность к сопереживанию. Много лет он переписывался с Г.Гребенщиковым, В.Шишковым, Г.Потаниным, В.Бахметьевым, А.Новоселовым, И.Тачаловым, А.Ершовым, а в советское время еще и с Л.Сейфуллиной, Г.Пушкаревым, И.Ерошиным и др. Как с близким другом, делились они с ним не только творческими планами, но и житейскими заботами, поверяли нередко самое сокровенное, наболевшее. Многие их письма, какие довелось прочитать, носят не просто дружеский, а глубоко доверительный, исповедальный характер.

"Вы мягкий, не зубастый, - писал Вяч.Шишков в бытность Казанского редактором "Жизни Алтая", - редактор же должен быть сталью, иссеченной в боях".

"Вы дорогой для меня человек", - вторит ему Модзалевский.

"Ваше письмо согрело меня", - признается Тачалов.

Сосланный за поэму "Егорка" в Самару, он страдает от одиночества, усугубленного болезнью. "Вы не можете представить, до чего я здесь, в Самаре, одинок... Поэтому я и дышу одной только перепиской с друзьями-сибиряками, а их приезд - мой праздник..."

Добрым другом и советчиком был Казанский для начинающих. Ныне забытый бийский поэт Андрей Бурмакин так писал ему:

"Глубоко тронут Вашей сердечной отзывчивостью, Вашим вниманием. Позволяю себе надеяться, что и в будущем не отка-

жетесь быть моим учителем... Будет ли толк из моих начинаний? Мне бы хотелось знать это от Вас, именно от Вас..."

Годы умолчания нанесли немало вреда сохранению памяти о Казанском. Что-то погибло безвозвратно, что-то не стало еще объектом внимания исследователей. Не собрано его литературное наследие, рассеяна по разным местам обширная переписка. Только в ЦГАЛИ, насколько известно, хранится 28 писем Гребенщикова к нему, немало и от других писателей. Словом, масштабы творческой деятельности Порфирия Алексеевича еще, на мой взгляд, полностью не определены, но одно можно сказать с уверенностью: в истории алтайской, сибирской литературы он занял пусть скромное, но вполне почетное место.